

Элина СВЕНЦИЦКАЯ

НА БЕЛОМ КОНЕ

Что такое наша литература? Каждый, кто задает такой вопрос, а особенно в письменном виде, — больной. У него или маразм, или мания величия. Только я, прекрасная легенда русской литературы Элина Свенцицкая, имею на все эти болезни жуткий иммунитет. И потому я задаю себе этот сакраментальный вопрос: что такое наша литература? И отвечаю на него так: наша литература — это массаж болевых точек. Обдумывая наши произведения, мы нащупываем их, а когда прикасаемся к этим болевым точкам и пока не утихнет боль, — пишем и плачем, пишем и плачем.

Но как же быть читателю с такой литературой? И вообще — зачем ее читать? Ведь в ней же нет ничего, кроме боли какого-то чужого, постороннего человека, который сидит один в своей комнате, подходит к холодильнику, включает телевизор и слышит оттуда: «Я хотел бросить наркотики, но не знал, что делать. Тогда я обратился к Богу. После этого обращения я наркотики бросил. А Бог их подобрал, и его так поперло, что я пожалел, что бросил».

И зачем, спрашивается, такое читать? Это может быть интересно только тому, чьи болевые точки совпадают с болевыми точками писателя. Но ведь таких сумасшедших очень мало. И все они, конечно, тоже писатели. Значит, наша литература — это литература, которую пишут писатели и читают писатели, и каждый писатель пишет для своих читателей, а каждый читатель пишет для своих писателей, которые, прочитав своего читателя, снова становятся писателями, и так до бесконечности.

Так они занимаются самообслуживанием, массируют друг другу болевые точки, а всем остальным никакого до этого дела. Но ведь настоящая литература — она для всех, а у всех болевые точки разные, а у многих их совсем нет. Я, живая легенда Элина Свенцицкая, хочу создать такое литературное произведение, чтобы его читали абсолютно все, кто умеет читать, и те, кто не умеет читать, тоже. Но как же это сделать? Я подумала, что надо спросить у всех, как они представляют настоящую литературу, а потом постараюсь учесть все мнения. С этим похвальным намерением я вышла на улицу.

Первым, кто мне встретился, был мой бывший муж Кирюша, который пришел ко мне в гости и лежал на скамеечке, потому что по лестнице уже не мог подняться.

— Настоящая литература — большая, — сказал Кирюша и сделал жест. — Она должна решать проблемы и отвечать на вопросы. Например, Пушкин написал поэму «Руслан и Людмила», и всем сразу же стало ясно: он решил проблему литературного языка, и больше она уже ни перед кем не стояла.

Я оставила Кирюшу на лестнице и побежала дальше. Тут же я столкнулась с соседкой — молодой мамой маленького ребенка, которая, я точно знала, ничего не читала с того момента, как вышла замуж, и чье мнение поэтому было особенно интересно знать.

— Мне интересно читать всякую литературу, которая про жизнь, людей и как они живут. Есть люди, у которых жизнь не такая, как у всех, а есть люди, которые от других ничем не отличаются. И каждый человек должен знать про жизнь, какая она есть. Литература нам должна объяснять правила жизни: что хорошо и что плохо, где нас ждет успех и где у нас ничего не получится.

Я пошла по улице, не зная, к кому еще обратиться со своим вопросом. Тут мне встретился знакомый нищий, который всегда стоял на остановке.

— Бога вы не любите, а литературу любите, — сказал он. — Нужно читать Библию, а больше ничего не нужно. Вот я читал Библию — и был здоровый, богатый, мама меня любила, конфеты давала и Боренькой звала. А потом я Библию потерял — и стал безработным калекой, и мама меня бьет, и зовут меня Саша Черный.

Я дала ему десять копеек и пошла дальше. Дальше был рынок, и я обратилась к продавщице груш.

— Литература должна быть — как в романе... Чтобы все были красавцы, чтобы со всеми что-нибудь вдруг все время случалось, чтобы все женились и выходили замуж друг за другом, друг за другом. А в конце чтобы — я в белом платье венчаюсь в церкви с принцем на белом коне.

Долго я ходила по рынку, потом по парку, и у всех спрашивала, что такое настоящая

литература. И все мне отвечали разное: то говорили, что она зеркало в комнате смеха, то — копия всех человеческих пороков, то — рецепт человеческого счастья. Одни предлагали мне написать роман-генеалогическое древо, другие — трагедию в пяти катарсисах, третьи — эпилон эпопеи из нашей жизни. Я была в полной растерянности. Я пришла домой, сделала маникюр, написала шесть стихотворений. Потом легла спать и все представляла себе, как я решаю проблемы литературного языка и всем объясняю правила жизни, а потом читаю Библию и в конце концов въезжаю в церковь в белом платье на белом коне.

СОВСЕМ ДРУГОЙ РАССКАЗ

Сколько же можно писать об угрюмой и несчастной любви, о гинекологических креслах, на которых она обязательно кончается, об алкоголиках и ненормальных филологиях! Я хочу написать наконец-то о чем-нибудь возвышенном и духовном, чтобы люди, прочитав, радовались и верили, просветлялись и возрастали в истине, а не утыкались носом в глухой забор и беспросветный мрак.

Мои старые герои живут уже совсем в другой эпохе, они частью рассеялись, частью потерялись, и я тоже куда-то потерялась. Но вот иногда, сквозь сумерки, я вдруг вижу нас всех. Как сквозь магический кристалл, проступают контуры большой светлой комнаты, и посередине накрытый стол, а за столом все они — еще вполне приличные, вполне интеллигентные, юные и одухотворенные, в меру изящные, в меру эпатажные. И на всех какой-то особый отпечаток — как будто что-то такое знаем, чего не знает никто. Как мы тогда вдохновенно самовыражались, как вдохновенно были несчастны! И никто еще не умер, не спился и опять не умер, и никого не съели комплексы и зависть, и никто еще не коротает ночи в вычислении собственной кармы и подсчете возможной даты выхода в астрал...

Слава Богу, ничего еще не случилось! А когда все это случилось, и все умерли или сошли с ума, никто ничего не заметил, потому что все время что-нибудь с кем-нибудь случалось, и все про это рассказывали мне, а я писала про это, как будто бы все это произошло со мной. А со мной ничего не случалось, и вот ничего мне не осталось, кроме как вспоминать эти рассказы и попытаться извлечь из них хоть что-нибудь поучительное и возвышенное.

Я ехала в одном купе с черным котом, которого всю ночь тошнило. В четыре часа утра его перестало тошнить, и я наконец задремала. Мне приснились черные резиновые шланги, которые сплетались и расплетались, обвивая странным узором длинную трубу парового отопления...

— Утопления... — сказал чей-то голос, и я проснулась. В соседнем купе бормотали: — Если пьешь в себя, оно туда и уходит, а если пьешь на публику — оно туда и выливается.

А утро было серым и пахло пивом. Холодный сырой город. И прямо на асфальте написано: «Я люблю тебя, как дебил!». Это я приехала на конференцию в Вильнюс, и вот уже встречает меня мадам Спроге, кариатидная дама в пуховой шляпе, автор монографии «Секс в Африке».

— Как расходуется ваша монография? — вежливо спрашиваю ее я.

— Тяжело, — отвечает она. — Так же, как я схожусь.

Она действительно была серьезна, как кариатида, держащая небо. Да, я знаю, небо держат атланты, но мадам Спроге выглядела именно так. И где она теперь? Какие небеса подпирает она своей пуховой шляпой? Тогда было смешно, а сейчас грустно, потому что ничего этого нет, никого нет...

Все мои мужья — бывшие или покойные, некоторые — и то, и другое одновременно. Честно говоря, это очень удобно и приятно — иметь несколько таких мужей на выбор. А если учесть, что у этих мужей есть еще и бывшие жены — тогда совсем хорошо. Мир становится обитаемым, узнаешь много нового о женщинах и мужчинах и о себе. А самое веселое — когда все талантливые и у всех сложные взаимоотношения. Вот Кусик и Ленуся — бывшие жены моего бывшего и покойного мужа. Они бывшие, но не покойные: одна живет в церкви, другая — в Израиле. Кусик и Ленуся очень любили друг друга, хотя Ленуся и называла Кусика за глаза старой вешалкой.

Они любили друг друга, потому что очень не любили меня, а еще потому, что обе были талантливыми. Ленуся была талантливой писательницей, а Кусик была талантливой стервой. Вообще в те времена и в тех кругах было неважно, какой у человека талант, главное — чтобы он был. А без таланта жить было как-то неловко, поэтому талантливыми были абсолютно все. Главным признаком таланта были несчастья, поэтому все были несчастными, а возможность рассказать о своих

несчастьях делала их почти счастливыми. И вот у Кусика и Ленуси только и было разговоров о том, как они были несчастны со своим бывшим и покойным мужем. Так что они очень любили друг друга, хотя временами и ссорились и искренне считали друг друга сумасшедшими. Но ведь нормальные люди никогда не бывают талантливыми, так что Ленуся в конце концов перестала писать, потому что писатели только собой любят и только себя показывают, она же решила любоваться только Господом и только Господу показываться. И нашла она себя в детском садике с религиозным уклоном сочиняющей колыбельные на божественные темы: «Тише, деточка, не плачь, даждь Господь тебе калач, а кто в постель не ляжет, того Господь накажет».

А Кусик, при всей своей стержности, хотела сделать что-нибудь пронзительное, завораживающее. Но этого никто не предлагал, и тогда она решила уехать из этой страны, где нормальным гениальным женщинам жить невозможно. Но и там она продолжает любить Ленусю, хоть и называет ее религиозной дурой.

А еще была актриса Лена Затескина, которая играла в основном кикимор, но на самом деле должна была играть леди Макбет. А еще был профессор Застенкер, по призванию конюх. А еще была поэтесса Ниночка, которая всех любила, и поэтесса Танечка, которая ее осуждала... Господи, мы же все такие хорошие! Нас воспитывали хорошие родители, которые старались воспитать нас хорошо. Мы учились в хороших школах, и некоторые даже хорошо учились. Мы учились в хороших институтах, а потом хорошо работали. Мы влюблялись в хороших людей и старались, чтобы им с нами было хорошо. Господи, мы такие хорошие, что с нами не должно случиться ничего плохого!

Вот хотела я написать что-нибудь возвышенное и духовное, но ничего у меня не получилось. Просто это возвышенное и духовное все время от меня куда-то прячется. Но жизнь — это большое картофельное поле, и пока его перейдешь, может встретиться все, что угодно, даже то, чего никогда не было, то есть духовное и возвышенное. Просто надо идти и идти, под солнцем, в сгущающихся сумерках, по этому огромному полю, где тихо ходит трактор и там, вдали, в тумане, под розовыми перьями пушистых облаков, ругаются пьяные бабы.

В ПОЗЕ РЕБЕНКА

Я — героиня рассказов писательницы Элины Свенцицкой. Почему так получилось? Очень многие спрашивают об этом ее, и никто не догадывается спросить об этом меня, хотя это было бы логично. Потому что больше всего знает тот, кого не спрашивают.

Самое главное — на самом деле я впоене нормальная женщина. Конечно, по рассказам этой самой Элины Свенцицкой в это трудно поверить — но кто обязан верить автору? Как обычно, автор повышает за сет героини свою самооценку, ничего ему так не хочется, как стать нормальным, вот он и изображает сумасшедших, чтобы все подумали, что он-то на этом фоне еще ничего...

В самом деле — это же абсолютно нормально: встать поутру, позавтракать, закрыть все двери и окна, загнать под диван кошку, выгнать всех, чтобы не мешали, положить перед собой чистый лист бумаги и задуматься... А потом писать, писать, писать — много слов, которые прочтут очень мало людей и забудут, потому что есть дела поважнее. А время идет, и слов все больше, и чего-то все время хочется — то ли всемирного признания, то ли семги с луком. И кто после этого ненормальный?

Не знаю, кто ненормальный, но я — абсолютно нормальная. Я делаю все так, как нужно, и все у меня правильно. Утро я начинаю с приветствия Солнцу и благодарности Вселенной. Это у меня ритуал такой перед йогой. Я выхожу на балкон, становлюсь на цыпочки, протягиваю руки, мысленно обнимаю все, что вижу, и говорю: «Здравствуй, небо! Ты хорошее — пусть даже ты серое, холодное и скучное. Спасибо тебе, что ты есть в моей жизни! Здравствуй, тучки! Вы тоже хорошие — похожи на бегемотов. Спасибо, что вы есть в моей жизни! Здравствуй, солнышко! Тебя нет, но я знаю, что ты есть где-то там, далеко... Здравствуй, птички! Здравствуй, листочки! Здравствуй, мусорные баки!»

Скажите — какой еще автор может похвастаться такой героиней?

Но разве она, так называемая писательница, это понимает?

Если честно, современные писатели вообще ничего не понимают в этой жизни, только всех запутывают. И как же не запутаться, если сталько слов! А на самом деле быть автором — это же такая ответственность! Я бы умерла от одной мысли... И не надо мне говорить про какую-то там смерть автора, это все придумали такие вот писательницы, как Элина Свенцицкая, чтобы уйти от ответственности и выносить мозги нормальным людям.

А в йоге из всех поз мне больше всего нравится поза ребенка. Так бы и лежала в этой позе всю свою жизнь и дышала бы животом! По крайней мере, я стараюсь находиться в ней как можно дольше. Это совсем не то, что поза верблюда, которая так нравится моему автору. Я, когда один раз ее попробовала, сразу всякую ориентацию потеряла и только одно думала: «О Господи... вот это, кажется, моя правая рука... или левая... или опять все переименовали?»

То ли дело поза ребенка — в ней столько счастья! Самое интересное начинается, когда из этой позы выходишь и встаешь, тогда перед глазами мелькают золотые мушки, они летают повсюду, такие нежные и добрые. И все колышется, трепещет и дрожит, и все предметы расплываются, контуры их начинают выгибаться и перетекать друг в друга, и все плывет и уплывает в неизвестную даль, и как будто бы море шумит... Какое чудо! А эта писательница даже не в состоянии оценить всю эту красоту. И к тому же она все время приходит ко мне и задает провокационные вопросы: «Тебе какая поза больше нравится?»

Разве нормального автора интересуют такие вещи? Могла бы спросить, что я думаю об очередном конце света или о том, как я смотрю на однополые браки...

«Элина, это же интимная информация!» — «Ну и что? Мы же с тобой — свои люди!»

По сути дела, это ведь манипуляция! Моему возмущению нет предела!

Разве автор имеет право так обращаться со своей героиней? Ведь на самом деле моя жизнь прекрасна и удивительна. Я не только благодарю за все Вселенную, не только занимаюсь йогой, я еще и люблю людей. А это, согласитесь, в наше время большая редкость и является признаком незаурядности, а вовсе не сумасшествия, как считает Элина.

Я люблю всяких людей — и мужчин, и женщин, и бедных, и богатых, и умных, и глупых. А это бывает очень редко, если любишь не абстрактно, а конкретно. Моя любовь конкретна и деятельна: я вхожу к человеку в дом, я сажусь на стул, я включаю телевизор погромче, чтоб соседи ничего не услышали, я ложусь на кровать и начинаю его любить. Поэтому моя жизнь полна до краев всякими приключениями и открытиями. Каждый день у меня происходит какое-нибудь удивительное событие — то мастер-класс по магии и колдовству, то играю на гуслях, то вышиваю шелком абстрактную картину, то строю Вавилонскую башню из спичек.

А вечером, придя домой после трудного дня, я снова благодарю Вселенную и прощаюсь со всеми: «До свиданья, небо! Ты совсем уже темное и страшное, но все равно — спасибо тебе, что ты в этот день было со мной! До свиданья, звездочки! Вы такие красивые, похожи на желтые цветочки! Спасибо вам! До свиданья, птички! До свиданья, листочки! До свиданья, машинки! До свиданья, мусорные баки! Спасибо всем за прожитый день!»

А потом еще по инерции благодарю утюг и унитаз.

Вот это — мой мир. Мир нормального человека. Каждый нормальный человек по-своему устранен. Каждый нормальный человек по-своему страшен. Это все вам говорю я, героиня, а вовсе не писательница Элина Свенцицкая.

И это я придумала, что у меня перед глазами время от времени кружатся золотые мушки. Они же как снежинки, только лучше — пляшут в воздухе, плывут и мерцают. Ну ладно — у меня в самом деле мелькают мушки перед глазами, но кто мне скажет, что значит — на самом деле и каное дело самое, а какое — нет? Да, да, это я придумала — правда здорово? И снова мой мир плывет, становится радужным и золотистым, и мушки пляшут и кружатся и трепещут... Вот она — самая настоящая прекрасность жизни, и все это придумала я, придумала и вот вам рассказываю.

Писательница вообще не рассказывает, а пишет. Вот сейчас я говорю — а она пишет. Зачем они вообще нужны, эти авторы?

И на этом риторическом вопросе я закончу свою интерлюдю.

Хорошо получилось, я довольна! У Элины бы так никогда не вышло. Она, между нами говоря, не очень грамотная писательница — все пишут слева направо, а она — справа налево. Правда, почерк хороший — в этом ей надо отплатить должное.

Всем спасибо за внимание и до новых встреч!

Если у вас нет вопросов, я за все отвечу.